

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ „ГРУЗИНСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ  
ТРАПЕЗУНДСКИМ АСПРАМ“

Изучению памятников грузинской нумизматики, охватывающих период свыше двадцати столетий и представляющих собой чрезвычайно многообразный и многочисленный материал, посвящен ряд трудов и исследований. Но именно по причине многообразия и обширности этого материала, не только отдельные монетные типы, но даже целые их группы и серии остались иногда недоработанными и недоисследованными. Даже не все уже опубликованные и изданные монеты можно было бы признать окончательно определенными, или точно приуроченными к тому или иному периоду.

К категории таких недостаточно исследованных монет следует отнести очень большую их серию, впервые возникающую в Грузии в XIII в. Эти монеты, имевшие в свое время широкое распространение, дошли до наших дней в очень большом количестве и выделены в отдельную и самостоятельную серию, известную под названием „грузинских подражаний трапезундским аспрам“. Термин этот был введен в буржуазной науке — в частности, В. Ланглуа называл их „imitations des aspres comnénats“,<sup>1</sup> а О. Ретовский — grusinische Nachprägungen,<sup>2</sup> т. е. „имитациями“ и „подделками“.<sup>3</sup>

Современные нумизматы несколько изменили этот термин: Е. А. Пахомов признал в этих монетах „грузинские подражания трапезундским аспрам“,<sup>4</sup> Т. Н. Ломоури, назвав их „ახსრეკივ მიმკეველოუები“,<sup>5</sup> полностью разделяет это мнение.

<sup>1</sup> V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 104.

<sup>2</sup> O. Retovski. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt. Moskau. Synodal Buchdruckerei. 1910, S. 108. Эта капитальная и с полным знанием предмета исполненная монография снабжена 15 таблицами с превосходными фототипиями монет, исчерпывающее описание которых содержит еще полсотни таких же изображений. Конечно, это значительно облегчает сравнение интересующего нас материала.

<sup>3</sup> Nachprägung буквально обозначает „перечекан“, но в том смысле, как его употребляет О. Ретовский, оно имеет значение „подделки“.

<sup>4</sup> Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа вып. II. Изд. Азерб. фил. АН СССР. Баку, 1938, стр. 46.

<sup>5</sup> თ. წ. ლომოური. «ფული ფოთა რუმთაველიმ ეპოქაჲი» — статья помещена в юбилейном сборнике «შოთარუმთაველშ ეპოქის მაცერიალური ვულტურა». Тбилиси 1938. აკად. ივ. ჯავახიშვილი. «ქართული საფანს-სახომთამცოცნეობა ანუ ნურსმაცოცა — მეტროლოგია». Тбилиси, 1925.

На первый взгляд этот термин, уже получивший широкое распространение, не может вызвать возражений, так как даже поверхностного сравнения „грузинских подражаний“ с трапезундскими аспрами вполне достаточно для того, чтобы убедиться в их несомненном сходстве и даже общности денежной системы. Более того, подлинно трапезундские аспры в огромном большинстве отличаются лучшей выделкой, тщательной передачей изображений, полновеснее и, наконец, чеканены из лучшего серебра.

Этому, современному нам и привившемуся в научной литературе, термину огромную поддержку оказывает и коренное древнегрузинское название монеты — „кирманеули“, часто встречающееся в древних рукописях и упоминаемое царем-законодателем Вахтангом в своде законов. На это обстоятельство было обращено внимание покойного академика И. А. Джавахишвили.

Уже сам по себе этот древнегрузинский термин намекает, вернее, прямо указывает на греческое (в данном случае трапезундское) происхождение монеты, как бы битой именем Кир Мануила. Мы видим, что и внешний облик монеты (одинаковые изображения, имена, надписи) и издревле сопутствующий ей термин, выработанный в Грузии, подтверждают правильность установленвшегося определения и применяемого термина.

Но если к такому признанному определению и распространенному термину подойти критически и проанализировать их в освещении дошедших до нас исторических сведений, то необходимость пересмотра этого термина станет совершенно очевидной, и мы должны будем убедиться в том, что и термин, выработанный задолго до царя Вахтанга, являясь по существу правильным, дает нам ложное представление о происхождении монет этого типа.

Даже при самом поверхностном знакомстве с историей грузино-трапезундских отношений, легко убедиться в том, что в XIII—XIV вв. грузинским Багратионам не было надобности или необходимости что-либо заимствовать от трапезундских Комнинов, или в чем-либо им подражать. Во взаимоотношениях этих двух соседних государств активная роль постоянно принадлежала Грузии, и последняя никогда и ни в чем от Трапезунда не зависела. Наоборот, на всем протяжении существования Трапезундской империи периодически наблюдалось обратное явление. При таких условиях было бы естественно предполагать, что вряд ли Грузия прибегала к таким мероприятиям, как выпуск собственной, для внутреннего обращения в Грузии же, монеты по образцу того государства, по отношению к которому она проявляла лишь активность. Если это и произошло, то, по всей вероятности, по причинам особым и ничего общего не имеющим с обычным подражанием.

Анализ исторических событий и взаимоотношений между Грузией и Трапезундом не входит в наши задачи. Исторические данные будут попутно нами привлекаться в качестве вспомогательного материала. Наша задача заключается в сопоставлении с максимальной полнотой нумизматических фактов, этих немых, но беспристрастных и правдивых свидетелей давно минувших событий.

По свидетельству О. Ретовского, изображение императора, стоящего во весь рост en face на лицевой стороне монеты, и такое же изображение покровителя и патрона империи, св. Евгения, на оборотной стороне монеты с соответствующими греческими надписями, впервые возникают в Трапезунде при Иоанне I Комнине (1235—1238 гг.). Введенный этим императором тип аспра остается неизменным на всем протяжении XIII в., видоизменяясь лишь на пороге XIV в.

Однако аналогичное изображение царя, но уже на монете грузинской, мы видим задолго до появления трапезундских аспров. Мы тут коснемся малоизвестной, но очень редкой разновидности медной монеты грузинского царя Георгия IV Лаши (1213—1222 гг.).<sup>6</sup> Изображение этой монеты (уникум Государственного музея СССР Грузии, № 1 нашей таблицы) мы помещаем для сравнения с изображением первого трапезундского аспра (№ 2 той же табл.).

Сопоставляя две эти монеты, мы убеждаемся в абсолютном сходстве их лицевых сторон. Различие материала, из которого изготовлены обе эти монеты, и отсутствие сходства их оборотных сторон не должно иметь значения. Это сходство отмечает и Е. А. Пахомов, который, при обсуждении возникновения монетного типа Георгия Лаши, говорит: „Фигура царя представляет как бы копию изображения императора на монетах Трапезунда, но я не думаю, что она заимствована отсюда, так как в 1210 или 1220 г. этот тип аспров едва ли уже чеканился в Трапезунде“.<sup>7</sup>

Таким образом, можно считать установленным, что это первый случай, когда монету Георгия Лаши нельзя отнести к подражаниям. Во всяком случае этот монетный тип создавался в Грузии не под влиянием трапезундских аспров, ибо он появляется здесь раньше, чем в Трапезунде, по меньшей мере на 15 лет.

Описывая дальше трапезундские аспры, О. Ретовский указывает, что изображения двух стоящих рядом императоров появляются на них при Иоанне II (1280—1297) и Алексее II (1297—1330). Возникновение такого типа он относит ко времени незадолго до 1297 г. До этого на всех без исключения трапезундских аспрах император изображался один.

Но если допустить, что такая монета появилась в первый же год рождения Алексея II, т. е. в 1284 г.,<sup>8</sup> то даже в этом случае мы увидим, что подобный „двухфигурный“ монетный тип обращался в Грузии значительно раньше. Это обстоятельство нам придется доказывать самостоятельно, так как монета, о которой идет речь, хотя издавалась и раньше, но определена совершенно ошибочно. М. Баратаев, например, неправильно приписал ее Давиду и Баграту, датировав концом X, началом XI в.<sup>9</sup> В. Ланглуа, предложив совершенно фантастическое чтение легенд, судя по вопросительным знакам, сопровождающим это чтение, видимо, сам сомневается в высказываемых предположениях. Действительно, предложенное им чтение  $\text{ჰჰჷ}$  (მეფეთა მეფეთაგან, т. е. царь царей Баграт) и  $\text{ჰჰჷ}$  (მეფეთა მეფე ანა, т. е. царей царица Анна)<sup>10</sup> крайне натянуто и не выдерживает критики хотя бы уже потому, что противоречит грамматическому складу.

В настоящее время мы располагаем четырьмя такими монетами, при этом в экземплярах значительно лучшей сохранности, чем те, которые имелись у М. Баратаева и В. Ланглуа, а потому необходимо переиздать этот неверно описанный и неправильно определенный монетный тип.

AR d = 21—22 mm, p = 2,32 gr (№ 3 нашей табл.). Ав. Изображение двух стоящих во весь рост en-face царей в богато расшитых одеяниях. Стоящий слева от зрителя бородатый царь левой рукой поддерживает

<sup>6</sup> Она издана Е. А. Пахомовым, передававшим ее изображение прорисью (6, 110, 111).

<sup>7</sup> Е. А. Пахомов. Назв. соч., стр. 110, 111.

<sup>8</sup> М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства, СПб., 1844, стр. 70.

<sup>9</sup> М. П. Баратаев. Назв. соч., стр. 5—7.

<sup>10</sup> V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 92.

крест на длинном древке. Этот же крест поддерживается правой рукой стоящим справа безбородым царем. На полях монеты, вертикально расположенные шрифтом „асомтаврული“, грузинские буквы: слева —  $\text{D}\text{K}\text{P}$ , справа —  $\text{K}\text{K}\text{D}$ , которые читаются как „ $\text{D}\text{K}\text{P}$ “ (царь Давид) и „ $\text{D}\text{K}\text{P}$ “ (царь царей Давид). Все это охвачено двойным ободком.

R. v. Грубовато исполненное изображение Богоматери с точечным нимбом (сидящей на троне?). Слева от нимба в одну строку грузинские буквы „асомтаврული“  $\text{D}\text{D}(?)$ , а справа в две строки под титлом

$\text{PO} \vdots \text{B}\text{B}(?)$ , которую М. Баратаев и В. Ланглау прочли правильно, — „ $\text{D}\text{K}\text{P}$ “ (т. е. Божья мать). Ободок точечный.

Эта интересная и довольно редкая монета чеканена от имени двух соцарствующих Давидов. Это позволяет легко датировать ее, так как грузинская история в этом периоде знает только двух соправителей, носящих это имя; это Давид IV Нарин, сын Русуданы (1245—1293), и Давид V, сын Георгия Лаши (1247—1271), которыми выпущен этот монетный тип во время их совместного управления Грузией. Эта монета была выпущена, видимо, около 1262 г., когда, после соглашения с Хулагу Ханом, Давид V вернулся в восточную Грузию из Кутаиси, где вместе с Давидом IV сидел на престоле. После этого Грузия окончательно была поделена на Восточную и Западную. Но если даже допустить, что монета чеканилась уже после окончательного раздела Грузии, это не могло произойти позднее 1271 г., когда Давида V не стало.

Таким образом, монета с изображением двух стоящих рядом царей появляется в Грузии опять-таки минимум лет на двадцать раньше, чем был выпущен аналогичный „двухфигурный“ аспр в Трапезунде. Изображение описанной нами грузинской монеты для сравнения с аналогичным трапезундским аспром помещено на приложенной таблице под № 3 и 4.

Тут мы имеем уже второй случай, когда видоизменение трапезундского аспра происходит значительно позднее появления аналогичной же грузинской монеты, которая, в свое время, видимо, была довольно распространённой, — для ее чеканки было изготовлено несколько матриц.<sup>11</sup>

Далее, по свидетельству О. Ретовского, „при Алексее II последовало многократно отмеченное изменение монетного типа аспра. Император, как и святой Евгений, изображаются уже конными, а не стоящими, как это было в ходу до этого. Лошадь всегда обращена вправо, тогда как лица императора и святого обращены en face. Этот тип остается в употреблении до падения царства, что подтверждается сохранившимися монетами последующих императоров“.<sup>12</sup>

Действительно, тип традиционного трапезундского аспра, бывшего в ходу на протяжении шести десятков лет, резко меняется лишь на пороге XIV в. Но аналогичное изображение конной фигуры царя на грузинской монете мы встречаем значительно раньше. Обратимся к неоднократно описанному диргему Давида IV Нарина, датированному 467-м (грузинским) корониконом (1247 г. н. э.), и сравним конные фигуры царей, изображенные на этой и вышеупомянутой трапезундской монете.<sup>13</sup> Сходство, конечно, очевидно.

Если ко всему сказанному добавить, что активно вмешивавшийся в дела Трапезундской империи Давид Нарин скончался в 1293 г., т. е.

<sup>11</sup> Изображение одной из таких монет, с любопытными искажениями грузинских надписей (без сопроводительного описания), помещено на таблице под № 8.

<sup>12</sup> О. Retovskii. Назв. соч., стр. 135.

<sup>13</sup> См. № 5 и 6 нашей таблицы.

незадолго до воцарения в Трапезунде Алексея II (1297), то это очевидное сходство изображений станет более понятным и, кстати, напомнит о том, что тут уже третий случай возникновения нового типа трапезундского аспра спустя много лет после появления аналогии в грузинской нумизматике.

Вряд ли можно считать это тройное совпадение случайным, несмотря на то, что мы можем проследить сходство лишь лицевых сторон, ибо еще И. И. Толстой отмечал случай, когда мы „имеем дело с копией, собственно, с нескольких оригиналов или прототипов, причем в эту копию вложены некоторые характерные особенности каждого из них и особое предпочтение отдано, по неизвестной нам причине, одному типу, почему-то остановившему на себе внимание копировальщика“.<sup>14</sup> Чтобы не ходить далеко за примерами, укажем на грузинские монеты XI в. царей Баграта IV и Георгия II, заимствовавших для своих монет лишь изображение лицевой стороны византийской монеты Константина Мономаха. Так, и трапезундские аспры XIII—XIV вв. не рабски подражали грузинским оригиналам, а некоторые их особенности воспроизводили сознательно или невольно.

Возможно, что с некоторыми более или менее заметными видоизменениями и дополнениями монетные типы возникали в Грузии и Трапезунде на основе заимствований от ходких в то время монет сопредельных с ними стран (Византии, сельджуков и пр.). Но это заимствование, или (если уж так привился этот термин) подражание, возникало раньше в Грузии, а затем в Трапезундской империи; об этом достаточно красноречиво свидетельствуют приведенные примеры.

На основании этих примеров возникает вопрос: не сыграли ли грузинские монеты XIII в. передаточной роли при создании типа трапезундских аспров?

Далее, все это показывает, что привившийся термин — „грузинские подражания трапезундским аспрам“ не соответствует исторической действительности. На фоне взаимоотношений, существовавших в XIII—XIV вв. между двумя этими государствами, этот вошедший в обиход термин звучит, по меньшей мере, малоубедительно.

Прежде всего нам надо затронуть другую сторону вопроса, возникающую каждый раз, когда речь заходит о признаках, свидетельствующих в пользу правдоподобности применяемого ныне термина. Мы уже упоминали о том, что подлинно грузинские кирманеули имеют очень близкое сходство с подлинно трапезундскими аспрами. Сходство это неоспоримо, ибо в обоих случаях лицевые стороны передают одинаковые изображения стоящего en-face императора; и тут, и там мы видим на оборотной стороне такое же изображение покровителя и патрона Трапезундской империи, святого Евгения, совершенно чуждого грузинским святым и почти не принятого в народе. Более того, обе стороны монет снабжены греческими надписями, сообщающими имена трапезундского императора и его святого покровителя, которые на грузинских кирманеули (так же, как и изображения) все больше и больше грубеют и искажаются.

Трудно было бы найти более или менее правдоподобное объяснение этому обстоятельству, кроме уже существующего, т. е. несомненного факта подражания трапезундским аспрам. Но обнаружение чрезвычайно интересных и не лишенных значимости нумизматических фактов оказывает нам неожиданную помощь и может пролить свет на это явление. Несколько лет назад нами был приобретен аспр, ничем не отличающийся от подлинно

<sup>14</sup> И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв. Зап. имп. Рус. археол. об-ва, т. VI, ноя. сер. СПб., 1893, стр. 322—323.

трапезундского, но выдающий свое грузинское происхождение тем, что материалом для его перечекана послужил грузино-гулагуидский диргем. Несомненно позже два-три аналогичных экземпляра были нами обнаружены в нумизматическом собрании Кутаисского музея, где нам пришлось побывать только проездом. Поэтому, к сожалению, эти экземпляры не могли быть тщательно изучены.

Конечно, этот перечекан легко можно было бы объяснить тем, что грузино-гулагуидские диргеи, попав на трапезундский рынок и поступив затем в монетный передел, были превращены путем перечекана в трапезундские аспры. Но, прежде всего, монеты гулагуидского типа к западу не распространялись, и их находки не регистрировались даже в Западной Грузии. Но интереснее всего тот курьезнейший анахронизм, который обнаруживается на приобретенном нами „аспре“: судя по сохранившимся под перечеканом деталям, этот „аспр“ принадлежит выпуску значительно более раннему, чем тот материал, из которого он перечеканивался.

Изученная нами монета, если ее рассматривать как трапезундский аспр, принадлежит выпуску Мануила I (1238—1263), но перечеканен он из грузино-гулагуидского диргема, который, как это установлено, впервые начал чеканиться лишь с 678 г. хиджры, т. е. с 1279/1280 г.<sup>15</sup> До этого на протяжении двадцати лет в Тбилиси чеканилась монета совершенно иного типа — так называемый „казник“.<sup>16</sup>

Как могло произойти, что материалом для чеканки „трапезундского аспра“ использован грузино-гулагуидский диргем, выпущенный 17 лет спустя? Остается непонятным, как хотя бы в последний день своей жизни, в 1263 г. Мануил I мог использовать грузино-гулагуидский диргем самого раннего выпуска для этого монетного типа, т. е. 1279 г.?

Можно ли объяснить это тем, что ближайшие преемники Мануила I предпочитали выпускать аспры от имени своего отца и для этого пользоваться вообще не попадавшими в Трапезунд грузино-гулагуидскими диргеями? Не противоречило бы это, наконец, существующим в средние века традициям и понятиям заявления прав на престолонаследие? Это было бы тем более непонятным и странным в период, следовавший тотчас после смерти Мануила I, когда положение его ближайших преемников было неустойчивым и даже крайне непрочным. Вспомним неоднократные попытки Георгия, предшественника и брата Иоанна II, восстановить утраченное им положение. Вспомним, наконец, исторический эпизод 1285 г., когда Иоанн II был свергнут с престола, который временно был захвачен его сестрой Теодорой.<sup>17</sup> Мог ли при таком шатком положении Иоанн II упустить возможность проявления такой важной регалии, как выпуск собственной монеты, и повседневного напоминания о том, что император — именно он, а не кто-либо другой? Надо полагать, что этой возможности

<sup>15</sup> А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 571.

<sup>16</sup> Изображение этой монеты, содержащей анахронизм, очень большой значимости, мы поместили на приложенной таблице под № 7. Но так как мы опасались, что снимок в натуральную величину не передаст еле заметных невооруженным глазом и полураздавленных „штампом Мануила I“ мельчайших деталей грузино-гулагуидского диргема (знак креста и обрывки арабской легенды, включенные в линейный квадрат), то решили отдельно поместить и увеличенное изображение этой монеты, из которого все мельчайшие детали видны уже ясно.

Для более удобного осмотра раздавленных деталей штамп Мануила I<sup>г</sup> представлен в перевернутом виде, и тут же помещен снимок с грузино-гулагуидского диргема в натуральную величину.

<sup>17</sup> Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезундской империи. Изд. АН СССР. Л., 1929, стр. 71.

он не упустил, о чем свидетельствуют многочисленные монеты, помеченные его именем.

Так чем же объяснить наличие так называемых „подлинно трапезундских аспров“, чеканенных по всем признакам где-то вне Трапезунда и, надо полагать, именно в Грузии? Не чеканились ли эти аспры в те или иные остро политические моменты в Грузии, которая, как известно, активно вмешивалась в дела Трапезундской империи? Можно ли считать случайностью совпадение таких подробностей, как перечеканка грузино-гулагуидского диргема 80-х годов XIII в. и активнейшее вмешательство Грузии в 1285 г. в дела Трапезунда?

В свете этих фактов становится вероятным следующее предположение: той же самой Теодоре, „бывшей в замужестве за Грузинским князем“<sup>18</sup> и при захвате трапезундского престола пользовавшейся поддержкой Грузии, требовалось не только войско, но и собственные денежные средства, предпочтительнее в трапезундской валюте. Энергичные попытки Византии и Грузии удержать свое влияние в Трапезунде требовали не менее энергичных и экстраординарных мероприятий, в числе которых мероприятия финансово-экономического характера должны были занимать одно из первых мест. Не этим ли следовало бы объяснить возникновение в грузинской нумизматике пресловутых „грузинских подражаний трапезундским аспрам“ и, главное, такое огромное их количество?

Мы не беремся этого утверждать, но в виде одного из вероятных предположений история возникновения и распространения грузинских кирманеули может быть представлена в таком виде.

„Находившаяся в замужестве в Грузии сестра Иоанна II, Теодора, в 1285 г., собрав войско, вторглась в Трапезундскую империю и после взятия Трапезунда сама воссела на престол. Ясно, что ее войска должны были быть грузинские, а сама Теодора могла одержать победу лишь при поддержке грузинской государственной политики и трапезундской военной партии — сторонников грузин“.<sup>19</sup>

Кроме военной помощи, оказанной Теодоре, грузинское правительство, несомненно, должно было снабдить ее и необходимыми денежными средствами, и средневековые финансисты могли прибегнуть к остроумной мере — выпуску валюты того государства, куда посылалось „вспомогательное войско“. Подобные финансовые мероприятия известны и из негрузинской нумизматики, в частности из русской.

Медные пятаки Екатерины II помечены императорскими коронами, но мы знаем, что пятаки царствования Екатерины II с королевскими коронами — не русской чеканки, а шведской, и изготовлены в 1788 г. на монетном дворе в Авесте.<sup>20</sup> Очевидно, что чеканка их в Швеции была предпринята не с фискальными целями, а ради удобства шведской армии. Со стороны шведского правительства изготовление ходячей монеты вражеской страны для нужд вторгшейся в эту страну армии вполне понятно.

Какими же должны были быть аспры, предназначенные для снабжения экспедиции, возглавляемой Теодорой? Надо полагать, что до возведения ее на трапезундский престол выпускать аспры, битые ее именем, было несколько преждевременно, поэтому предпочтением было отдано аспрам, помеченным именем ее отца, Мануила I, тем более что при нем политические интересы соседей — Грузии и Трапезунда — совпадали и трений

<sup>18</sup> Ibid.

<sup>19</sup> Изд. Акад. наук ССР Грузии. Тбилиси, 1941, стр. 96.

<sup>20</sup> И. И. Толстой. О пятаках Екатерины II с королевской короной. Зап. Нумизм. отд. имп. Рус. археол. об-ва, т. I, вып. IV, СПб., 1910. стр. 158—159.

между ними не было. Аспры же, меченные именами ближайших предшественников Теодоры, ее братьев Георгия и Иоанна, последнему условию удовлетворять уже не могли.

Не этим ли объяснить возникновение и древнегрузинского термина? Аспры, изготовленные в Грузии и меченные именами Кир Мануила, и получили общее название «кирманеули».

В дальнейшем с них стали изготавливать время от времени видоизменяющиеся и постепенно грубеющие копии. Сначала, конечно, принимались все меры к тому, чтобы эти монеты ничем не отличались от обращавшихся до того в Трапезундской империи, и они выпускались доброкачественными и тщательно выполненными, т. е. первоначальный оригинал сохранялся полностью. Вот почему некоторые кирманеули, и, в частности, привлеченный нами образчик перечекана, по своим деталям ничем (или почти ничем) не отличаются от подлинно трапезундских. Но в дальнейшем, когда население стало к ним привыкать, кирманеули начали грубеть, ухудшаться в пробе и уменьшаться в весе, тем более что порча монеты уже с XIV в. становится повсеместным явлением.

В дальнейшем эти грубо исполненные кирманеули изготавливались для трапезундского населения только в особых случаях и, являясь сначала ходячей монетой в пограничных с Трапезундом областях, постепенно проникали в западную и, отчасти, в юго-западную Грузию. Для этого также создались специфические условия, ибо в находившейся под влиянием монгольских ильханов Восточной Грузии широкое распространение получили тбилисские грузино-гулагундские диргемы, помеченные именами ильханов. Западная же Грузия ильханов не признавала; монета, помеченная их именем, тут не привилась, и находок таких монет тут совсем не зафиксировано. Здесь должен был выработаться совершенно иной тип монеты, которым, надо полагать, и явился кирманеули.

Судя по дошедшим до нас массам этих огрубевших кирманеули, их выпуск продолжался в течение многих десятилетий. Трудно иначе объяснить наличие такого большого количества их вариантов, дающих все переходы от тщательно исполненных изображений и правильно переданных надписей до самой примитивной и грубой схематичности этих изображений и полной неразборчивости надписей.

Следует обратить особое внимание еще на одно обстоятельство, которому до сих пор не придавалось значения. Просматривая имеющиеся запасы нумизматических памятников, а также таблицы изданий по трапезундской нумизматике, мы обратили внимание, что все трапезундские аспры XIV—XV вв. носят изображения конных фигур императора и святого. Грузинские же кирманеули этого времени продолжают выпускаться по старым образцам XIII в., т. е. со стоящими во весь рост изображениями en-face.

Это обстоятельство объясняется тем, что позднейшие, грузинские кирманеули действительно являются подражаниями, но не трапезундским аспрам, а тем, которые первоначально были изготовлены в Грузии со специальной целью. Ими в 1285 г., как говорилось выше, вероятно, была снабжена Теодора, дочь Мануила I и „жена грузинского князя“, которую грузинское правительство, с грузинским же войском и необходимой казной, отправило в Трапезунд.

На некоторых позднейших кирманеули, наряду с уже окончательно искаженными греческими легендами, попадаются отдельные грузинские буквы. Известны, например, с грузинской буквой „асомтаврули“ — Ⴀ (К); с грузинскими же ႡႭ („царь“) на лицевой, рядом с изображением царя





1



2



3



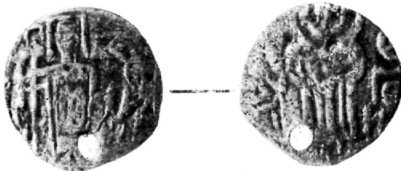
4



5



6



7



8



9

Рис. 1.



Рис. 2.

и ЦЧ (Георгий) на оборотной стороне, рядом с изображением святого. Этот последний вариант тоже издавался раньше, но опять-таки неправильно: М. Баратаев искал на нем имя св. Нины — „первой просветительницы царя и народа грузинского“, <sup>21</sup> а В. Ланглау, объединив в описании надписи обеих сторон монеты, приписал ее царю Георгию. <sup>22</sup>

На самом же деле, как видно по рисункам, приведенным названными авторами, а также по экземпляру аналогичной же монеты Государственного музея Грузии, имя Георгия стоит не рядом с изображением царя, а на оборотной стороне, около изображения святого и, скорее всего, к нему же и относится. Необходима все же оговорка; святой изображен в позе св. Евгения, т. е. „стоящим во весь рост en face“, а не конным, как обычно изображают в Грузии св. Георгия.

Нам бы хотелось остановиться еще на обнаруженном М. М. Иващенко чрезвычайно интересном варианте кирманеули, на котором грузинским шрифтом „мхепрули“ навыворот выбито имя Вамека Дадияни. Приходится сожалеть, что эта пока уникальная монета находится в частном владении и недоступна для тщательного изучения. Но хорошо и то, что, с любезного разрешения владельца, мы можем дать необходимые сведения, — изображение, метрологические данные и описание ее.

AR, d=20—21 mm, p=2,91 gr. (№ 9 нашей табл.).

Изображение, лишь отдаленно напоминающее человеческую фигуру, стоящую во весь рост en face, в короне (?) с подвесками и лабаром или крестом в правой руке. На уровне левого плеча горизонтально расположенные греческие буквы ΓΕ, а ниже, на второй строке, но вкось ΙΝ (видимо, остатки имени св. Евгения). Ободка не видно.

R.v. Почти все поле монеты занято грузинской надписью, шрифтом „мхепрули“, выбитой навыворот (зеркальным письмом) — „ვაშაკ“ (Вамек), повидимому заключенной в рамку, — слева и сверху видны ее линии. Ободка не видно и тут.

Прав С. И. Макалатия, приурочивший эту монету Вамеку Дадияни (1384—1396), <sup>23</sup> так как толькo он, оставивший нам превосходные архитектурно-художественные памятники в Хоби и Цаленджахи, с их прекрасными фресками и пространными грузинскими и греческими надписями, свидетельствующими о связях Мингрелии с Византией, мог выпустить монету этого типа. Создавшиеся к концу XIV в. политические условия подтверждают это предположение.

„Царю царей всея Грузии“, Георгию, сыну Баграта, находившемуся в это время в состоянии длительной и тяжелой войны с завоевателем Азии, Тамерланом, было не до отколовшихся феодалов. Вамек, при создавшихся политических условиях оставался оторванным и изолированным от остальной Грузии и поневоле должен был тяготеть к тем единоверцам, которые все еще находились вне досягаемости Тамерлана. Этим условиям Византия и Трапезунд отвечали, поэтому завязавшиеся с ними связи, естественно, могли побудить Вамека к выпуску монеты, воскрешающей старые, еще не забытые традиции.

Выпущенный от имени Вамека Дадияни кирманеули является пока еще первой из известной серии так называемых „феодалных“ грузинских

<sup>21</sup> М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства. СПб., 1844, стр. 18—21.

<sup>22</sup> V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 104.

<sup>23</sup> ი. ბ. შაკალაძის. ქვემოტრელომ იქორიჭა იმბორეუთა». Изд-во Груз. краев. об-ва. Тбилиси, 1941, стр. 90.

монет. Этот монетный тип, так же как и некоторые другие разновидности кирманеули, чеканились в конце XIV в.; некоторые же из них, окончательно грубеющие и все более и более мельчающие разновидности, должно быть, выпущены значительно позднее.

Проф. С. Какабадзе, например, полагает, что, в то время, как в Восточной Грузии (с Месхетией) под термином „тетри“ в XIV в. подразумевалась монета в две драхмы, в Западной Грузии под этим же термином признавался эквивалентный трапезундскому аспру кирманеули. Параллельно с трапезундским аспром кирманеули испытывают процесс постепенного измельчания и уже на рубеже XIV—XV вв. снижаются до размера в 1.2 данги. Уже позднее кирманеули упоминаются в сигелях при определении кровнических норм („выкуп за кровь“) и, в частности, в Западной Грузии даже до середины XVI в. В Восточной же Грузии, во второй половине XV в., этот термин был уже отжившим, поэтому при его упоминании в сигеле становится необходимым определение его размера.

Таким образом, грузинские „подражания трапезундским аспрам“ на самом деле не являются сколком с трапезундских монет. Характерные для трапезундских аспров изображения создаются в Грузии независимо от трапезундского влияния и сплошь да рядом раньше, чем в Трапезунде; возможно, что грузинские монеты и трапезундские аспры заимствовали эти изображения из общего источника, причем в Трапезунд они попали через Грузию.

В то же время некоторые грузинские монеты (кирманеули) были чеканены сознательно по образцу трапезундских аспров; они нужны были грузинскому правительству для утверждения своего влияния в Трапезундской империи.

---